

МОРОШКА.

В августе_42

ФЁДОР КОЗВОНИН

Фёдор Романович Козвонин Морошка. В августе 42-го

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69254425

SelfPub; 2023

Аннотация

Самый тёмный час – перед рассветом, а самый страшный год Великой Отечественной – 42-й, накануне Коренного перелома. Один день Степана Артёмовича – оперативника НКВД на Вятке. О том, как быть не должно, но о том, как было.

Содержание

Фёдор Козвонин

Морошка. В августе 42-го

Август 1942.

«Мы привыкли думать, что судьба превратна и мы никогда не имеем того, чего хотим. На самом деле все мы получаем с в о е – и в этом самое страшное...» Андрей Битов

1

¹ «Люцифер», Франц фон Штук. 1890 г. Холст, масло. Размер: 161 x 152,5 см.
Национальная галерея зарубежного искусства, София, Болгария

I.

... но он ничего не видал. Над ним не было ничего уже, кроме неба, – высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками. «Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме...»² – тут каурая кобыла красноармейца Степана Деницына прервала мерный шаг, шарахнулась вправо и чуть не боднула ступавшую рядом лошадь товарища. Деницын встрепенулся и натянул поводья.

Конечно, лошадке было чему удивиться. Впервые оказавшись в этих степях, она чуралась неведомых трав, попадавших между пыреем и типчаком, недовольно фыркала на верблюжью колючку. Эх ты, глупая! То ж историческое растение, библейское – именно на нём выпадала манна, которой Моисей сорок лет евреев потчевал. Но, то ли времена были тёмные, то ли евреи от скитаний одурели, но они искренне считали, что кушанье им какой-то там «бог» ниспосылает. На самом деле это растение так опылителей привлекает. Вот тебе и диалектика! Но и безо всякой философии растение полезное – с таким не пропадёшь. Можно и скотину накормить, и питьё подсластить, а в медицинском отношении – целая аптека: отваром горло полоскать, и его же от кашля

² Оммаж Л.Н.Толстому

пить. Им же язвы промывать. От дизентерии отвар очень хорошо помогает, крепит, а манна, наоборот, слабит. Главное, не перепутать! Сплошной материализм!

Но вот очень красивого, цветущего белыми и розовыми цветами олеандра комдив Мелькумов³ велел остерегаться – лошадям от него верная смерть! Правда, ушлые товарищи и говорили, что человек – не лошадь: если пару листочков пожевать, то надолго взбодрисься. Но Деницын верил своему комдиву, а не ушлым шутникам-товарищам, которые, впрочем, листочки действительно пожёвывали. Извлекали пользу как умели. И на первый взгляд ничего с ними не делалось. А попёнок Володька боялся, что где-то тут растёт анчар из пушкинского стихотворения – до того ядовитое дерево, что даже его испарения смертельны и жди беды, если ветер подует на тебя с его стороны... Добралась бы до него советская наука – никаким буржуйам не выстоять: насадить анчаров тех вдоль границы да включить вентиляторы на погибель сукиным сынам! Эх...

Степан глубоко вдохнул широкой грудью, прикрыл глаза и откинул голову. Как же хорошо тут, под всепобеждающим белым солнцем ехать по-над бурной студёной рекой к широкому и призывно распахнутому ущелью... Почему-то очень

³ Яков Аркадьевич Мелькумов – советский военачальник, комдив (1935). 20 июня 1930 года части сводной кавалерийской бригады САВО под командованием Мелькумова, по согласованию с афганским правительством, вторглись на территорию Афганистана для нанесения ударов по базам басмачей

зачесалась правая голень, как будто натирала небрежно замотанная портянка. И как бы туда забраться-то, под голенище, чтоб с лошади не слазить?...

В этот миг оперуполномоченный управления государственной безопасности НКВД старший лейтенант госбезопасности Степан Артёмович Деницын проснулся в своей холостяцкой постели и с удивлением посмотрел на торчавшую из-под одеяла голую ногу. Которая вовсе не чесалась.

В избе вязко пахло мокрым деревом. Вглядевшись в законную густую августовскую хмарь, Степан уныло почесал щеку и решил, что бриться не будет – потерпит до завтра. Он открыл окно. В расхлябавшейся створке глухо брякнуло стекло. С улицы к затхлоЙ домашней влажности устремился и прибавился душный волглый запах жухлой листвы. Степан опёрся обеими руками о подоконник и обречённо вздохнул. «Ну вот почему так-то, а? Почему два года назад в Союз вступила хмурая Прибалтика, а не знойный Афганистан? Тьфу...».

Степан был высоким мужчиной с широкими плечами и, несмотря на подтянутый живот и выправку, его торс казался громоздким. У него были белёсые брови и усталые карие глаза. Четвёртый десяток перевалил за экватор, его тревожила жизненная неустроенность. Конечно же, эта проблема отошла на второй план после июня проклятого сорок первого года, когда на страну набросился чудовищный волк. С этим волком теперь из последних сил бьётся советский вол-

кодав. А над ухом волкодава занудной мошкой жужжит всякая мразота – то паникует, то дезертирует, то попросту вредит и попусту кровь портит. С этими вот паразитами и боролся Степан, чьё ведомство уже год находилось на казарменном положении – те, кого не отпустили на фронт, несли службу сжав зубы: без выходных, отпусков, со сменами двенадцать на двенадцать.

За окном по деревянному тротуару шёл какой-то весёлый человек и бодрым, немножко дурным голосом пел песню. Степан разобрал только:

«... по Дёповской вдоль Хлыновской

Прошла вся моя юность...»

Человек шёл, широко расправив привыкшие к согбенности плечи и благодушно улыбался занимавшемуся рассвету. В его глазах этот свет пока невидимого Солнца отражался так же, как если бы это было показавшееся из-за замшелых деревьев непролазной чащобы оконце лесной сторожки, на которую наконец набрёл заблудившийся грибник. Или если глубоко за полночь пастух со стадом на склоне одинокого одуванчикового холма: с тревогой смотрит он на глубокое чёрное равнодушное небо, но лихой и свежий ветер вдруг разогнал набежавшие на небосклон тучи и сквозь них пробились яркие звезды.

Но тут всё было проще. Дело в том, что весёлый пешеход только вчера получил у кустаря пошитые из кирзы сапоги. Этой кирзой за ещё довоенный долг расплатился свояк,

недавно устроившийся на новый завод «Искож». Сапоги получились ладные, хорошие – низ сделали из юфти, а из кирзы стачали голенища. Обошлось на удивление дешёво! Когда он принёс их домой, то первым делом густо смазал ваксой и отполировал тряпочкой. Надел – жених! Раз прошёлся по избе, два прошёлся – хорошо! Несколько раз подходил он к постели с тем, чтобы скинуть сапоги и лечь, но никак не мог: те, точно, были хорошо сшиты, и долго еще поднимал он ногу и обсматривал бойко и на диво стачанный каблук⁴. А теперь человек шёл с работы по деревянному тротуару и радостно печатал шаг.

Степан подумал, что такого, конечно, следовало остановить для выяснения, но голос у мужчины был не пьяный, а песня не скабрёзной – видимо, трудяга из ДОЦа возвращался с ночной смены домой. Значит, большого греха в том нет – покушения на общественный порядок не усматривается. Можно только позавидовать расположению духа, если в такое время человек находит в себе силы для радости. Может, из этой искры возгорится пламя?⁵ Ведь песня строить и жить помогает.⁶ Об этом часто из радиоточки поют.

II.

⁴ оммаж Гоголю.

⁵ строки из стихотворения Одоевского, написанные в ответ на стихотворение Пушкина «Во глубине сибирских руд». В 1900 фраза стала эпиграфом к газете «Искра», издававшейся РСДРП.

⁶ «Марш веселых ребят» Музыка: И. Дунаевский Слова: В. Лебедев-Кумач, 1934.

Степан умылся студёной водой из рукомойника, но так и не смог отойти ото сна, хотя вода в рукомойнике была такой же холодной, как вода Амударьи двенадцать лет назад. Но вода реки была не только холодной, но ещё и гордой, и сильной, и неумолимой – она двигала скалы, она дарила жизнь долинам. Но она же забрала жизнь товарища, когда тот упал с лошади на переправе и в стремени запутался. К нему быстро подоспели другие кавалеристы и вынули из оков, но тот был уже мёртв. Может быть, с перепугу нахлебался воды, а, может, сердце не выдержало ледяных объятий и встало... Интересно, что теперь с курганом над его могилой? Вода же в рукомойнике была предназначена сугубо для умывания: онемевшая, недвижимая и безвольная.

Степан почистил зубы и стал завтракать краюхой ржаного хлеба и большим огурцом. Хлеб он полил душистым растительным маслом, а хрустящий огурец просто так макал в солонку. Было немного досадно, что накануне закончился чай, но даже если б он и остался, заводить керогаз не было охоты. Плотно закушу в обед, подумал он. Сегодня, кажется, должны щи давать.

Глядя на чуть пробивавшийся сквозь хмурые облака робкий рассвет, Степан вспоминал, как стройные ряды кавалеристов двинулись вглубь долины, в сторону далёких и величественных гор. И басмачи бежали. Ибрагим-бек⁷, как про

⁷ Наиболее крупный лидер басмачества в Туркестане и Королевстве Афганистан.

Красную Армию услышал, сразу скрылся в горах, в кяризе⁸ спрятался и оттуда слал во все концы послания с мольбами и угрозами. Но никто к нему на помощь не пришёл. И даже не ответил.

Красноармейцы громили непокорные кишлаки, уничтожали склады с оружием, конфисковали скот и передавали инвентарь и утварь угнетателей угнетённым. Простые афганцы отвернулись от басмачей и баев – встречали Красную Армию радостными песнями. Потому что на самом деле нету никаких других классов, кроме эксплуататоров и эксплуатируемых. Без своих курбашей⁹ моджахеды растерялись и разбились на банды по сорок-пятьдесят джигитов. По разбойной привычке. Такая подлая кодла способна нагнать страху на безоружных крестьян, но против регулярной армии... Что тут говорить! До тысячи побили басмачей, а наших потерь – двое раненых. За неделю управились: помогли молодому братскому Афганистану стряхнуть преступный режим. Вернули правильный и простой порядок. Окутали их землю

⁸ Традиционная подземная гидротехническая система в городах и селениях Азербайджана, Средней Азии и Ирана, совмещающая водопровод и систему орошения. Представляет собой подземный канал, соединяющий место потребления с водоносным слоем.

⁹ название старшего (командира) достаточно крупных, способных действовать автономно вооружённых групп басмачей, в период борьбы против установления Советской власти в Туркестане, и позднее против Среднеазиатских советских республик.

небесами братской мощи. И в дальний путь на долгие года¹⁰.
Принять бы их скорее под советское крыло, ведь это же какая выгода! Геологи говорят, страна богата нефтью, газом, рубинами, лазуритом, но при отсталой монархии сами они их добывать не могут. А вот если придёт рабочая власть, то вместе мы их Гиндукуш¹¹ с землёй сравняем и всё заберём для народного счастья! Но и без горных богатств Афганистан не только мост между Европой и Азией. Это плацдарм для дальнейшего пожара мировой революции! Чтоб запылало в Китае и Индии, где пока хозяйничают Британия и японские империалисты.

И ведь никто Афганистана завоевать не мог – от Искандера до британских монархов. Потому что те туда насильно шли. А нас туда самих позвали. По любви, по дружбе! Потому что мы сильные, добрые и за нами будущее. И они это сразу поняли – в двадцатом году первый международный документ Афганистана был о дружбе с РСФСР, который они подписали с Лениным. Хотя в мире верховным правителем России считали Колчака. Но своё посольство афганцы отправили в Москву, а не в Омск, до которого им было ближе. Но к другу семь вёрст – не околица.

¹⁰ Песня «Дружба» в исполнении Вадима Козина. Слова – Шмульян, музыка – Сидоров. Ленинградская экспериментальная фабрика граммофонных пластинок, пластинка 0325. 1937 год.

¹¹ одна из высочайших горных систем Азии на стыке Памира, Каракорума и Гималаев, простирающаяся с юго – запада на северо – восток по территориям Афганистана, Таджикистана и Пакистана на 700 км.

Ветерок принёс в окно жёлтый лист берёзы. Степан вспомнил, что ведь и в Афгане берёзы растут. Настоящие берёзы, ёлки-палки! И статуи Будды сторожат древний Шёлковый путь, что твои Маркс и Энгельс на площади Революции в Москве. Бород только не хватает. Эх, как бы было хорошо выйти на заслуженный отдых и поселиться у Мозари-Шарифа, где вольно, широко и так славно дышится. Там, говорят, древний пророк-огнепоклонник Заратустра похоронен – и туда мы обратно принесём своё коммунистическое пламя, которое разгорелось из ленинской искры! Так на курсах школы № 101 товарищ Аксельрод¹² говорил.

Степан надел бриджи, гимнастёрку, намотал портянки, натянул яловые сапоги. Вечная, считай, обувь! Можно по лесам-болотам бегать, а нога не промокнет, сапог форму выдержит, а потом тряпочкой провёл – и хоть на парад! Говорят, даже электрический ток в них не страшен, но этого Степан не проверял. Конечно, разношивал он их когда-то чуть не месяц и свирепыми мозолями намучился, но оно того стоило. Идеальное сочетание – и красиво, и практично. Весомо.

Степан встал, расправил плечи, вздохнул. Затем туго опоясался португеей, поправил растопырившиеся пблы и застегнул верхнюю пуговицу. Посмотрел в зеркало и попробовал улыбнуться – вышло неубедительно. Вспомнил, что сегодня базарный день. Значит, дежурство на рынке. Значит, Ав-

¹² Моисей Маркович Аксельрод – советский разведчик, редактор, преподаватель школы особого назначения НКВД

густа. Значит, побриться всё же стоит. Потому что у чекиста должны быть не только холодная голова и чистые руки, но и образ, внушающий согражданам уверенность в несокрушимости Советского государства. Всё по плану идёт, не сомневайтесь! Своим горящим сердцем чекист должен распалить души сограждан, сеять надежду и освещать тропу к коммунизму даже в самые тёмные времена. Чтоб как у горьковского Данко пылала! Или хотя бы как у подгулявшего плотника.

Лишь бы эту искру не погасил фашист в Волге: тогда уж что брейся – что не брейся. По долгу службы Степан имел доступ к оперативным сводкам с фронтов. Он знал, что фашист на Сталинградском фронте впился мёртвой хваткой и подбирается зубами к аорте – Волге. Если доберётся, то ещё не в том беда, что он себе заберёт каспийскую нефть. Беда в том, что он нас её лишит. Наши грузовики, самолёты, танки. И тогда, скорее всего – всё. После Харьковской катастрофы¹³ падение Сталинграда перечеркнёт вообще всё и вдоль, и поперёк, и по диагонали – и с военной, и с политической, и с экономической точки зрения.

Этого допускать нельзя и тылы должны снабжать фронт всем необходимым: танками, самоходками, «Катюшами»,

¹³ крупное сражение Великой Отечественной войны. Началось как попытка стратегического наступления, но завершилось окружением и практически полным уничтожением наступавших сил Красной армии. Из-за катастрофы под Харьковом стало возможным стремительное продвижение немцев на южном участке фронта на Воронеж и Ростов-на-Дону с последующим выходом к Волге и продвижением на Кавказ.

бронепоездами, патронами, орудиями, продовольствием. Именно для этого сюда, в европейский, но пока ещё глубокий тыл, эвакуированы заводы, комбинаты и фабрики: от обувных и бумажных, до самых секретных военных, у которых и названия не было, а был только номер. Трёхзначный.

Однако для Степана в первую очередь было важно не то, что по железной дороге, по реке и автоколоннами сюда везли станки, машины, целые конвейеры десятка предприятий. Заботой оперативника была целая прорва приехавших рабочих – с одним только Коломенским заводом прибыло больше десяти тысяч людей. То есть вырванные войной с обжитых мест и из привычного быта, эти люди размещались кто где мог: в наскоро выстроенных бараках разместили треть приехавших, а остальными уплотнили жильё горожан – кому-то повезло и досталась целая комната, а кто-то устроился в клетки на сундуке. Кто-то на полатях, кто-то в сенях, а иной в дровянике кантуется. Проблемой было даже не то, что население ста сорока тысячного города в момент возросло до двухсот – беда в том, что возросло оно временно: в случае успехов на фронте завод в любой момент вернут обратно. А в ином случае могли эвакуировать дальше за Урал. Поэтому проводить временное строительство для временного жителя просто не имело смысла.

А временный житель был разный. Эвакуировали ведь не только понятных заводчан. Приехали и наркоматы, и главки со всеми коллегиями и секретариатами, и Большой драмати-

ческий театр с балеринами-осветителями, и институты-техникумы с лаборантами-аспирантами. Ещё совсем недавно сонный захолустный город вдруг превратился в бурлящий тревожной жизнью улей. Улей трудолюбивых пчёл, в котором прекрасно себя чувствовали трутни всех мастей: мошенники, воры, спекулянты... Диверсанты?

Хорошо, что в 37-ом из командования армией вымели агентов империализма в коминтерновских звёздах. Ведь в самую верхушку забрались, чтоб рыба-то с головы сгнила. Но фурункул выдавили вовремя. Кто мог ожидать, что тот же Мелькумов фашистом окажется? Такой талантливый полководец и мудрый стратег, но – заговорщик. Степан поблагодарил судьбу, что увела от бравого комдива в другое ведомство.

Мудрость партийного руководства была ещё в том, что предприятия эвакуированы сюда, в забытое захолустье. То есть развёрнутой заранее фашисткой агентуры тут быть не могло и внимание следовало уделять только приезжим. Но приезжий теперь – каждый третий житель города. И в силу самых разных обстоятельств не у всех эвакуированных были в порядке документы, которые теперь как и восстановить-то, если район под оккупацией врага – запроса в райком не отправишь. Но это ещё полбеды. Совсем недавно в степях Украины фрицы чуть не четверть миллиона наших бойцов в плен взяли – сколько среди них вятчан? А сколько из этих вятчан согласятся сотрудничать, поддавшись посулам? Или

под пыткой? Или по простодушию уверуют в бредни черно-сотенца Ильина¹⁴? От души уверуют, остервеуют и вернуться перекованными, чтоб осознанно вредить. Вот это уже и беда...

Степан Деницын шёл на Хлебную площадь, где в базарные дни он в форме рядового милиционера следил за торгом. Как городской – следил за порядком, а как чекист – за всем остальным. Он остановился на перекрёстке у радиоточки, откуда скорбный, но твёрдый голос громогласно вещал:

«Советская патриотка партизанка Нина Коровко, выполняя боевое задание, около города Невеля была схвачена немецко-фашистскими бандитами. Гитлеровцы, добиваясь сведений о партизанах, подвергли Нину Коровко зверским пыткам, а потом повесили. Славная дочь советской Родины стойко перенесла все пытки и перед смертью заявила фашистским мерзавцам: «Я сегодня умру за Родину, но завтра вы все будете уничтожены. Да здравствуют партизаны!»

Партизанские отряды, действующие на Северном Кавказе в тылу противника, наносят большой урон немецко-фа-

¹⁴ Иван Александрович Ильин – русский философ, писатель и публицист. Доктор государственных наук, профессор. Представитель Белого движения и идеолог Русского общевоинского союза, последовательный критик коммунистической власти в России и убеждённый приверженец принципа непримиримости в борьбе с коммунизмом.

шистским захватчиком. Партизаны с каждым днём всё более успешно действуют по коммуникациям противника. Для борьбы с одним партизанским отрядом немцы бросили румынский полк. Потеряв в боях с партизанами до 400 солдат и офицеров, румынские вояки отступили. Партизаны захватили оружие и военное имущество.

На улицах городов Германии всё чаще появляются антифашистские лозунги. На одной из улиц города Дюссельдорфа ночью краской на стене дома было написано: «Долой Гитлера!»¹⁵.

Но остановился тут Деницын не ради речей Левитана. Дом на перекрёстке улиц Коммуны и Свободы заслуживал особого внимания. До Революции в доме жили купцы Кардаковы, чью коммерцию свернули после того, как с крыши их магазина обстреляли демонстрацию рабочих. Но надо было сворачивать не коммерцию, а голову, потому что после бегства из Вятки купчишки с колчаковцами снюхались. Старший, Иван Семёнович, говорят, тогда же Богу душу отдал, а вот сын, Николай Иванович, сначала в Забайкалье будто бы бабочек изучал, а потом, уже почему-то как филателист, уехал в Германию, где теперь в Немецком Энтомологическом Институте заведует секцией чешуекрылых. Там водит дружбу с писакон Владимиром Набоковым – сыном лидера разгромлен-

¹⁵ Сводка Совинформбюро от 29.08.1942

ных кадетов. Рафинированная контра. Первейшие кандидаты в новое марионеточное Временное правительство – таких хоть завтра в кресла сажай. А покамест кукловоды не дотянулись, то можно отличное паучье логово организовать, чтобы начать плести сеть: по диагонали через дом – госбанк, на другой стороне улицы – горком, а на этой же стороне почтамт. За неделю при должной сноровке подкопаться можно.

Хорошо, что в комнате с доступом в погреб уже год живёт Августа Абатурова с матерью-старушкой и двумя детьми. И хорошо, что там есть управдомша Таисья Морозова, которая санитаркой служит, – о любом подозрительном мужчине доложит тут же. Такой роскошный вяз растёт прямо за домом... Степан в задумчивости погладил усы.

III.

Диктор замолчал и Деницын пошёл дальше. Теперь уже бодро, с выправкой. Пройдя два квартала на юг, он свернул к реке и пошёл к площади Революции, к Хлебному рынку, куда уже стягивались торговцы.

Степан помнил, как мальчишкой гулял среди широких торговых рядов Семёновской ярмарки, которая проводилась в конце лета каждый год. Площадь тогда называлась Семёновской, а в середине площади стоял Александро-Невский собор. А когда площадь стала называться площадью Революции, собор взорвали и разобрали на кирпич. То есть на од-

ной стороне площади собор разбирают, а на другой стороне продолжается как ни в чём не бывало торг. Пережили, значит, торговцы Иисусика, как тот их плетью не гнал, потому что собора нет, а рынок есть. Получается, что по плодам их узнали их¹⁶, а практика – критерий истины¹⁷.

Но душу Степана коробил вопрос практический. Куда кирпич из стен пошёл? Была ли в нём острая необходимость? И почему было не сделать из собора училище какое или театр? Или, раз уж площадь Революции, так и в здании собора сделать музей Революции с картиной во всю стену? В Киеве, слышал, есть такая картина на религиозную тематику, а у нас бы было о становлении советской власти на Вятке. Хорошо бы? Уж точно – не плохо. А взрывать попусту – бесхозяйственно, не по-пролетарски это. Неприятно было в том же тридцать седьмом, когда собор готовили к разрушению и купола разобрали. Тогда перед собором разбил свои шатры цирк-шапито. Детишки радовались и смеялись, слон трубил, медведи ревели, вокруг воняло... Хоть бы где статистику узнать, мол, из собора построено столько-то больниц, школ и библиотек. Но – хрен. В лучшем случае, дороги вымостили, а то и вовсе, как с церковью в Никульчине вышло – взорвали, кое-как разобрали, на баржу погрузили, а баржа тут же ко дну пошла. Сплошной убыток – ни баржи, ни кирпича, ни взрывчатки, ни церкви, в которой бы хоть склад сделать

¹⁶ Евангелие от Матфея, 7:19-20

¹⁷ Гегель.

– и то бы проку больше было. Но – нет. Ты ещё заплати командированным взрывотехникам, которые зачем свою работу сделали? Совершенно непонятно. Вредительство это, если разобраться.

Вон, в Ленинграде, городе целых трёх революций, Исаакий стоял и стоит – и ничего, не мешает. Музеем стоит как раз. Там маятник Фуко круглосуточно доказывает, что Земля вращается. И Казанский собор о победе над Наполеоном напоминает, и сейчас дух защитников города укрепляет. А у нас что? Была архитектурная доминанта, вятский символ, а теперь пустое место. Мешали если кому кресты, так и убрали бы – не в них дело, а вместо них бы звёзды красные, как на башнях Кремля.

Вот, говорят, идеология. Ладно. А в Москве и Ленинграде разве другая идеология? Или это чтоб любому понятно было, где столицы, а где – провинция? Мечеть на Труда почему-то никому не помешала, а отсюда рукой подать. Незаметная потому что, маленькая. А собор был большой – вот от него пустое место и оставили. С чего теперь набраться гордости? С лавочников этих, буржуазии мелкой?

По одним им видно, как изменились времена. Ещё год назад тут как в пьесе Островского – на телегах привозили расписные наборные сундуки и с тех же сундуков мёд в туесках продавали. Свистульки были берестяные и глиняные, игрушки, ложки расписные, рукавицы пуховые, носки, шубенки всякие, муфты и прочее канальство. И цены умеренные.

Теперь же сундуки обкололись-обстучались, вместо туесков свёртки, а вместо мёда маргарин. Но по цене прошлогоднего мёда. И пуховых рукавиц в продаже не сыскать, зато приезжие робко стоят и с рук пытаются выменять свои чудом сохранившиеся шали, кожаные перчатки и часы. Наши их дурят безбожно, меняя оренбургский пуховый платок на пять буханок, а ленинградцы уверены, что обменялись очень выгодно – в своём городе они б за это и буханки не получили.

Ленинградские гости робко смотрят на всё это изобилие, как когда-то красноармеец Деницын оглядывал на восточном базаре россыпи урюка, инжира, квумквата, фиников, айвы, лотки с джезерье, болани с каймаком, разноцветный курут, душистый зелёный чай с виноградным наватом¹⁸... Взгляд Степана упал на лукошко с редиской и он печально вздохнул.

Приезжих, которые обилием восторгаются, стало гораздо меньше, чем год назад. Обычный же покупатель деловит – пройдёт по рядам, осмотрится, приценится, затарится и уходит. Так что новичков вычислять проще – они как овечки пугливые. Но попробуй среди них найди овцу паршивую...

Ведь понятно, что фашист не станет забрасывать в тыл такую белокурую бестию: «Йа, йа! Натюрлих!». Само собою, что это будет вполне советский гражданин, не выделя-

¹⁸ центральноазиатские региональные фрукты и кулинарные изделия, в силу логистических, экономических, хозяйственных и идеологических соображений не распространённые повсеместно.

ющийся из толпы. В первую очередь, стоило слушать разговоры, чтобы не случилось, как три недели назад в Майкопе, где шесть десятков фашистов смогли дезорганизовать и деморализовать гарнизон: город был взят фрицами практически без боя¹⁹.

Обращать внимание нужно было не только на покупателей, но и на продавцов. Пёстрый народ – кто-то тут от потребительского кооператива постоянно торгует, а кто-то частным образом появляется от случая до случая – выменяет пару пригоршней смородины на фунт муки и был таков. Больше его тут и не видали. Хотя Степан частных торговцев, как класс, считал камнем на шее строителей коммунизма и мироедским атавизмом, но вот отдельно взятым членам этого класса сочувствовал и даже уважал.

IV.

В самом начале овощного ряда стояла обстоятельная торговка овощами из Ломовской, Анна Зайцева. Степан любил перекинуться с ней парой слов. Знал, что две старшие дочери у неё погибли зимой – одна от гриппа, а другая от дизентерии.

– Здравствуй, Анна Николаевна, как твои дела? Как дочка Нина? Ей ведь пятый год пошёл, нет?

¹⁹ Речь об операции 2 августа 1942 года, когда шестьдесят два разведчика подразделения «Бранденбург-800» под руководством фон Фелькерзама смогли посеять панику, деморализовать и дезорганизовать защитников Майкопа.

– Шестой уж, Степан Артёмович. Хочу, говорит, медсестрой быть, когда вырасту. А я ей – может, тогда уж лучше на врача выучиться? А она и спрашивает: «А как меня тогда называть будут? «Врачка» что ли?» А я ей говорю, что такого слова нет. Спрашивает: «Тогда «врачиха» или «докторша» что ли?».

– Ну, «врачиха» – это пренебрежительно. Так о некомпетентной женщине-враче сказать можно. На приём к «врачихе» я бы не пошёл!

– Так и я ей говорю, стало быть, что «врачиха» – это неряха, а «докторша» – это не доктор женского полу, а жена мужчины-доктора. Так дочка-то у меня, смотри, посидела минутку, подумала и говорит: «Я тогда докторицей буду!».

– Да, а вот это уже ближе! Как «учительница»! Правильно, к такой бы я пошёл лечиться! А муж твой как? Ты в тот раз говорила, что он снова в военкомат ходил?

– Да всё неймётся старому хрену. Ну скажи, куда вот он на пятом-то десятке?

– Я бы сказал, но это пустяки будут. Главное-то что в комиссии сказали.

– А то же, что и я. «Ты, Василий Васильевич, не обессудь, но нам толковый токарь в тылу нужнее, чем на фронте бестолковый рядовой. Ты ведь боевого опыта не имеешь? Не имеешь. Мы понимаем, что сердце твоё пылает ненавистью к врагу, но подумай, кого мы вместо тебя у станка поставим? Ученика-мальчишку с улицы? А он сможет сам, без

наставника, оперённый подкалиберный снаряд без брака выточить? Вот то-то же. Так что делай, что можешь, с тем, что имеешь, там, где ты есть²⁰...»

– Пряма так и сказали?

– Ага, слово в слово запомнил! И дальше говорят, что завод строится, расширяется, и без опытных рабочих рук это будет не завод, а сарай со станками.

– Ну, и хорошо. Дипломатично высказались, но и суть изложили.

– Да, теперь успокоился. Меньше буянит, когда сводки от Информбюро слушает. А то ведь никакого от него спасу не было – всё кулаком грозил и бушевал... Ой, Артёмич, гляди, какой яблочко! – Анна указала Степану на робко стоявшего на самом краю торгового ряда румяного белокурого мальчика лет десяти с лукошком янтарной морошки. Мальчик неуверенно озирался по сторонам, переминался на месте. С непривычки. Видимо, в первый раз на рынке.

– Как ты сказала? «Яблочко»?

– Да это я от мужа научилась, прости Господи. Он у меня детей любит, радуется им. Говорит, что тем огонёк надежды в душе поддерживает. Что с ними не пропадём. Девочек он «яблочками» зовёт, а мальчиков «яблоками». А я «зайками» зову. «Мой зайка», «моя зайка» – всё едино.

– И к фамилии твоей подходит! Интересная же вы, однако, семья!

²⁰ Теодор Рузвельт

Степан махнул Анне Васильевне рукой и пошёл дальше. Туда, где глаз Степана радовала торговка пирогами, Абатурова Авочка. Ростом чуть ниже среднего, с ладной фигурой – будто духмяную грушу затащили в сарафан. Наглаватая, сильная и независимая, упрямая – кровь с молоком. Она стояла с прямой спиной и, выставив перед собой лоток с выпечкой, величаво посматривала на проходящих мимо. Её полные губы и немного длинный нос с узкими крыльями и горбинкой заставлял кавалеристское сердце Степана переходить с размеренной рыси на дразнящую иноходь. А длинная толстая коса цвета абрикосовой карамели... Как самаркандская пахлава, как последние лучи заката в Панджшерском ущелье!

Он уже навёл о ней все необходимые справки. Девичья фамилия – Мухина, чуть меньше года назад приехала из Самары, где торговала на колхозном рынке. Знал, что у неё на попечении Пелагея Клюкина, её пожилая мать, и двое детей, 1932 и 1934 годов рождения. Знал, что муж Августы ушёл в мир иной в 1935 году. Причиной смерти мужа значилась хроническая бессонница – возможно, расшатались нервы от того, что он видел во время событий в Поволжье в 1933-ем²¹.

Выходило, что Августа была сильной советской женщиной, которая видела на своём веку много горя, но всё пре-

²¹ массовый голод, охвативший в 1932–1933 годах обширные территории СССР (в основном степные районы), входившие в состав Украинской ССР, Российской СФСР (включая Казахскую АССР, регионы Центрального Черноземья, Северного Кавказа, Урала, Поволжья, Южного Урала, Южной Сибири)

одолела и вынесла то, что оказалось не по плечу мужчине. Можно быть уверенным, что она была разумной и экономной хозяйкой, заботливой матерью и почтительной дочерью. Степан думал, что вот как хитро их судьба связала – и дом её в его сфере ответственности, и место работы, и она сама. Может, это неспроста?

Прищурившись и широко расправив плечи, Степан подошёл к Августе.

– Здравствуй, Авочка!

Торговка смело и с шутливым вызовом посмотрела в глаза Степану:

– Кому Авочка, а кому и Августа Савельевна!

Степан деланно заробел:

– Виноват, не по форме обратился. Впредь буду... – он не закончил фразы, увидев широкую и искреннюю улыбку Августы. – Чем сегодня потчуете?

Августа плавно отстранила с лотка кружевное полотенце, демонстрируя интересанту аппетитные румяные пирожки, выложенные ровными рядами.

– Вот эти – с капустой и яйцом, эти – с картошкой и луком, те вот – соковые, конопляные, а те, что с краю, они с морковью и маком.

– А с мясом нету?

– Нет, с мясом уже давно не было. Сезон охоты не от-

крыт ещё, а крестьянин скотины не бьёт. Но скоро будет, обещаю, – она задорно ему улыбнулась.

– Сезон, говоришь, охота, значит... – нарочито окая, но смеясь глазами подхватил Степан. – Сезон-то, стал быть, на грибы нонче – охота тихая. Отчего ж с грибами нетуть?

Августа отмахнулась от него платочком, словно из последних сил сдерживая накативший хохот:

– На грибы я не сильна охотиться.

– Как же так? Я оченна с грибами пироги жалую! И кортошку жаренную люблю с грибами, и грибовницу...

Августа удивилась:

– Грибовницу? Что за блюдо?

– Как? Грибовницы не знаешь? – Степан от неожиданности перешёл на обычный городской говор.

– Впервые слышу.

Образ радетельной хозяйки, который Степан успел соорудить у себя в голове, дал заметную трещину.

– Странно. Это суп такой с картошкой, грибами, луком...

Августа приснула:

– Ишь, выдумал тоже – «грибовница»! У нас его так и зовут – грибной суп.

– У вас? Это где?

– Так с Самары ж я! То есть приехали мы оттуда. А родом-то я с Бузулука²².

– А я думал, что ты наша, вятская... – Степан с удоволь-

²² неофициальная столица голода в Поволжье

ствием заметил, что трещина на образе исчезла.

– У меня как муж богу душу отдал, так я с матерью и детьми сюда к вам перебралась. Дети от пеллагры и стоматита²³ страдали, а тут все условия для их лечения есть. Тыл опять же...

– А так и говор у тебя как будто наш, и выглядишь ты, как наши бабы... А сколько детишкам?

– Старшему десять, а младшему восемь.

– То есть старший в самый разгар родился?

– Разгар? Да, было дело – тогда мы чудом выжили, еле приспособились. А потом с покойником-то на радостях не убереглась... – она скромно опустила глаза, будто извиняясь за оплошность. – Но изобилия не наступило, по карточкам до тридцать пятого продукты получали. То есть уже не смертный голод, но жили впроголодь. Да я сама в первый голод²⁴ ребёнком была, когда хлеб из лебеды деликатесом был, так что нам не впервой! Вытянем.

– Это уж само собою, это – завсегда. Кстати, а ты с мо-рошкой пироги не печёшь?

– Так оно как-то... – Августа насупила бровь. – Нет. Не пробовала. Дикая ягода, не садовая.

²³ болезни, причиной которых в ряду прочих является витаминная недостаточность.

²⁴ Голод в Поволжье 1921–1922 годов – массовый голод во время Гражданской войны в России. Согласно данным официальной статистики, голод охватил 35 губерний, сильно пострадали Самарская, Саратовская губернии, Южная Украина, Крым, Башкирия, Казахстан, частично Приуралье и Западная Сибирь.

– Да просто, вон, смотри, какой мальчуган с лукошком стоит. И он бы не валандался, и ты бы разнообразия своему товару добавила, а?

Августа оглядела стоящего недалеко мальчишку:

– Да, я за такую корзинку ему сметаны всклянью налью. Эй, паренёк, а ну пойдёшь сюда!

Степан отошёл в сторону и оставил торговку беседовать с мальчишкой. Залюбовался. Подумалось, что если у него с Авочкой будут дети, то волосами они пойдут в неё или в него? Может, у них свой такой же мальчиш, как из книжки, получится?

Степан обошёл ряды и вернулся к тому месту, где стояла Августа.

– А тебе не тяжело такой лоток тяжёлый каждый день таскать?

– Да я уж к этому делу привычная... – Августа осеклась, лукаво посмотрела на Степана. – Но, твоя правда, настоишься тут за весь день так, что потом поясница не гнётся.

– Может, я бы тебе помог после торга его домой отнести?

– Да, одна я тут не справлюсь – нарочно сокрушённо ответила Августа. – А морошку пускай тот мальчишка и снесёт.

– Тогда – договорились!

– А за это я тебя ботвиньей угощу. Как нарочно у кумы давеча стерляжьей головизны раздобыла, – Августа улыбнулась краем рта и потупила взгляд.

Степан поспешил отойти, чтобы не выдать переполнившего его восторга. Пройтись вот так вот, с красивой женщиной и ребёнком, который мог бы быть их общим... Сердце чекиста радостно забилось под гимнастёркой. Чуть было слеза не навернулась. К тому же домашняя ботвинья будет достойной заменой столовским щам.

V.

Степан посмотрел на часы и тень безразличного презрения пробежала по его лицу. Подошло время встретиться с информатором. Степан оставил свой пост на площади, перешёл через дорогу, затем свернул в подворотню и проулками подошёл к заднему двору двухэтажного кирпичного дома. В этом доме теперь располагался Кожтрест, а когда-то он был особняком купчихи Савинцевой. Тут после Революции великие князья²⁵ из царской семьи квартировали с сербской принцессой²⁶. Князей потом отвезли на вечную приписку в шахту Алапаевска, а принцесса вырвалась за границу –

²⁵ речь об Великом князе Михаиле Александровиче и князьях Иоанне, Константине и Игоре Константиновичах, князе Владимире Павловиче Палей – так называемых «Алапаевских мучениках».

²⁶ Елена Петровна Карагеоргиевич – супруга князя императорской крови Иоанна Константиновича, урожденная принцесса Сербская, дочь сербского короля Петра I из династии Карагеоргиевичей и принцессы Зорки Черногорской. Сестра короля Югославии Александра I, племянница великой княгини Милицы Николаевны и великой княгини Анастасии Николаевны.

уж очень за неё сербские братушки и норвежские товарищи хлопотали.

В сарае за Кожтрестом оперуполномоченного Деницына ждал информатор. Информатора звали Чуня, а прозвище происходило не из-за каких-то личных качеств, а из-за фамилии – она была не то литовской, не то белорусской. Соседской, из братского народа. Себя Чуня тоже ставил запанибрата, любил, чтоб его называли по отчеству – Макарыч, а своего имени стеснялся, считая вычурным и декадентским. Чуждым. Однако паспорта он почему-то менять не хотел.

Хотя Чуне было только двадцать два года от роду, он был представителен, кряжист, осанист и даже в этом сарае производил солидное впечатление. Умные пронзительные глаза глядели будто в самую суть, но суть какую-то свою, не могущую принадлежать многим. Только зря он лицо выбрил – с усами было лучше, без них пропала мимика. Теперь, когда рот был закрыт, бледные губы образовывали единое пространство и было не разобрать – испуган ли он, возмущён или безразличен. Как манекен из универмага. Хотя сам он считал это не недостатком, а преимуществом. В своей легальной жизни он работал в Наркомпищепроме и взаимодействовал с промысловыми кооператорами. В нелегальной жизни он занимался этим же, но если за свою законную деятельность он получал триста двадцать рублей в месяц и ежегодный оплачиваемый отпуск, то за незаконную – вдесятеро

больше и возможность отправиться на колымский курорт по Указу семь-восемь: «...вплоть до высшей меры социальной защиты».

– Здравствуй, Артёмых! – хотя Чуня был на полголовы ниже Степана, руку он ему подал как будто сверху вниз.

– Привет, Макарыч, – Степан будто потянулся пожать руку, но не сделал этого – возвратным движением хлопнул себя по бёдрам, подтянул штанины с коленок и сел на стоявший в углу бочонок. – Как дела на спекулянтском поприще?

Чуня будто вовсе не заметил, что его приветствие проигнорировали, и почесал свою правую ладонь:

– Слушай, не помнишь – если правая чешется, то это брать деньги или давать? – встретив холодный взгляд Степана, спрятал руки в карманы. – Ничего экстраординарного не произошло. Это тебе не год назад, когда на рынок что только не тащили – сабли кавказские, картины голландские, кружево фламандское. Сейчас попроще – поиздержались товарищи! Всё как-то в русло вошло, без эксцессов. Да и новых эвакуированных прибывает не много, а те, что прибыли, уже или в край оскудели, или пристроились. Которые пристроились, те на рынок с деньгами идут, а не с часами-брошками. Надо признать, здорово это всё вон **там** придумали, – Чуня со значением округлил и закатил вверх глаза.

– Это ты о чём?

– Да чтоб по карточками минимальный минимум продук-

тов выдавать, а рынка будто бы не замечать. Это ведь можно всех скопидомов вытрясти, потому как при наших нормах и самые прижимистые из чуланов червончики достанут, потому что другой-третий раз в месяц на маслице да молочко-то соблазнятся! А то живём, как в Индии какой-то, ей-богу – огромная богатейшая страна, денег вроде бы должно быть много, но деньги эти в заначке под подушкой лежат. Значит, в экономике не участвуют и прибавочной стоимости не создают – поймав недоумённый взгляд Степана, Чуня осёкся. – Об этом в «Капитале» написано!

– Ты его разве читал? – ещё больше удивился Степан.

– Да как-то взялся от нечего делать, страниц с полсотни одолел, да потом бросил – там мудрёно больно пошло, с формулами, – смеющимися глазами Чуня посмотрел в глаза Степану. – Но про бестолковых индусов запомнил, которые из своих сокровищ выгоды не извлекают.

Чуня вспыхнул, его щёки зарделись:

– Это ж безвозвратный, но добровольный государственный займ получается! Памятник тому человеку поставить, который это придумал! Это как у Маяковского, мол, стране нужны не розы – паровозы! А лучше танки и пушки. Истребители! Но самолёты денег стоят, а где их взять? Кто даст? Советский народ и даст – но не за облигацию, которая бумажка, а за крынку молока, которая – вещь! И всемеро стоит против того, что до войны было. Понял, Артёмич?

Степан неуверенно кивнул, а Чуня радостно продолжил:

– Вон, в Ульяновске схемку придумали – продавали пайковые продукты на рынке по спекулятивной цене и чуть не в сто раз наварились! Разницу положили в кассу, отбрехаться надеялись, но где там! Сейчас эти деятели за такие небывалые успехи в области торговли совершают трудовые подвиги в условиях Крайнего Севера. И государству хорошо – за меньшее количество товара казна в итоге получила гораздо бóльшие деньги. Вон, пройдишь по рыночным рядам! Все ведь не сами по себе сидят – давно и плотно всё схвачено и каждый свою мзду башляет. А башляют как? По цепочке, по ступеньке, по лесенке, на самом верху которой сидит этакий миллионер подпольный, что твой Корейко из книжки. Наберёт такой жулик пятьсот тут, триста там, а потом, глядишь – приняли его, тёпленького, да из-под подушки миллион и достали, а на тот миллион четыре Як-1 построили, а?! Оно и граждан воронками не тревожить, и мешчан не тормозить. Никаких отрядов ЧОН²⁷ не надо. Удобно!

Деницын напрягся, слушая эту речь, но Чуня ровно не замечал, говорил дальше:

– Капиталист готов на любое преступление за прибыль, правильно? Вот и надо его желание направить в правильное русло! А если один-другой прощельга мимо проскочит, то и не беда. Ну, сбежит из области, из края, а дальше – что?

²⁷ ЧОН – части особого назначения. Вооружённые формирования, созданные в 1919 году для борьбы с контрреволюцией. Участвовали в подавлении крестьянских восстаний, действовали в качестве силовой поддержки продотрядов. Полностью расформированы в 1925-ом году

Из Союза всё равно никуда не денется. Ни в Лондон, ни в Париж не уткёт, так что деньги всё равно у нас останутся – одно что возьмут их не завтра, а послезавтра. Не беда! А если кто из партийной номенклатуры в это дело замажется...

Но тут Степан вспыхнул:

– Слышь, Дорик, ты тут собрался на антисоветскую агитацию намотаться? По десятому пункту пятьдесят восьмой, да?²⁸ Это я тебе запросто устрою, веришь?

– Что ты, Степан Артёмич, как можно? Где я, а где агитация? Это ведь не агитация, а рационализация – и всё!

Деницын привстал с бочонка, Чуня отступил назад и поднял руки:

– Всё, всё! Ишь, какой ты строгий, оказывается! Мне просто по делу тебе сказать нечего – всё вошло в русло и на рельсы встало. Разве Настюха Блинова на Слободской улице чего-то с приезжими мутит, но пока – слухи. То ли уклонистов у себя в подполье прячет, то ли притон организует – чёрт её знает. Не всё так однозначно – могут быть варианты. Пока всё вилами по воде писано.

Степан сел обратно на бочонок:

– Хорошо тогда, бывай. Сегодня можешь быть свободен. Через неделю на этом же месте в это же время.

– А место встречи изменить нельзя? Может, лучше в дро-

²⁸ политическая статья Уголовного кодекса РСФСР, действовавшая с 1927 по 1961 года. Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти.

вянике у коммуналки, что за углом, на Красноармейской?

– То есть ты хочешь перенести встречи чекиста и спекулянта из глухого угла к коммуналке, где народ шастает? Тебе жить надоело? Или свобода не мила? Или я чего-то не понял?

Чуня насупился, беззвучно пошевелил губами, а потом нарочито вытянулся во фронт:

– Рад стараться! Можно анекдот на прощание расскажу? – и, не дожидаясь согласия Степана, скороговоркой выпалил:

«Ночь, темнота, стоит поезд, из поезда высовывается голова:

– Почему стоим?

– Паровоз меняют.

– Ясно. А на что?»

И, не оглядываясь, стремительно вышел из сарая, однако бережно закрыл за собой дверь.

VI.

Степан остался в сарае, чтоб не идти следом. «Вот ведь, а? И как с такими людьми общее дело делать? Какой с ними коммунизм построишь, когда всё вывернут и переиначат – у них чёрное выйдет белым, а беда радостью оборачивается. Такого послушаешь и поневоле задумаешься. И растеряешься. И руки опустишь. Как поп учил на Законе Божьем: «знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч! Но, как ты тепл, а не го-

ряч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих»²⁹. Мракобес старорежимный, мироед, но в этом он прав – хуже нет, когда перед тобой не друг или враг, а такой вот хитовыдуманный, что мутит воду во пруду. И плохо не то, что он меняет свои взгляды – любой их меняет с течением времени: был человек до семнадцати лет без политических взглядов, потом по малолетству вступил в эсеры, а уже возмужав, осознал, и стал большевиком – тут всё понятно. Но эти-то, неоднозначные, у них ведь вовсе взглядов никаких нет. Хамелеоны равнодушные! А равнодушие хуже ненависти, потому что вот я ненавижу фашиста, а фашист ненавидит меня, но оба мы наличие друг друга признаём. А таким вот «чуням» что коммунист, что фашист, что буржуй – всё одинаково безразлично. Для них одна ценность – они сами, своё благополучие. Они бесчеловечны – им другие люди вовсе не нужны. И как бывает ложка дёгтя в бочке мёда, от чего весь продукт насмарку, то тут – зараза в обществе, бацилла, от которой все болезни.

И складно ведь, подлец, мутит! Ровненько выходит, не подкопаться – миллион гибнут, из последних сил напор врага отражают, а этот рациональность увидал. И до войны страна была в кольце врагов – буржуи только норовили в колесо палку вставить, а только чуть встали с колен да начали плечи распрямлять – тут-то фашист и нагрязнул. Мы ещё в Ис-

²⁹ Откровение Иоанна Богослова, глава третья.

паний³⁰ хотели задавить в зародыше гидру, но эти же американцы, которым тоже «не всё так однозначно» продолжали Франко горючее и машины продавать, а французы с англичанами всё компромисса искали, а потом и Мюнхенский стовор³¹ учинили... Теперь расхлёбываем, причём и мы, и они. И дальше придётся хлебать – краёв не видно, потому что когда немцев одолеем, то с такими «макаровичами» останемся. Не доведут они нас до добра и вся страна будет из таких вот «тёплых» состоять... Надо с этим что-то делать. Одно в таких людях хорошее – ко всему привыкают, везде приспособятся. Таких надо побольше в Магадан отправлять – может, они там Чикаго отгрохают. Хотя, вернее, мост на Аляску выстроят, тьфу ты...»

Степан поднялся с бочонка, поправил портупю и вышел из сарая. Он обогнул особняк, вступил на тротуар, и краем глаза заметил, что к нему кто-то несётся, по диагонали пересекая проезжую часть. Рука было потянулась к кобуре, но Степан признал в бегущем Игоря Фосфорова – оперативника с другого участка и старого руга, с которым они до войны

³⁰ Гражданская война в Испании 1936–1939 гг

³¹ соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией, составленное в Мюнхене 29 сентября 1938 года и подписанное в ночь с 29 на 30 сентября того же года рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером, премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуаром Даладьё и премьер-министром Италии Бенито Муссолини. В результате соглашения Чехословакия уступала Германии Судетскую область.

вместе ездили на учёбу в Москву.

Обычно Игорь дежурил у вокзала, поэтому и одет был соответственно – примятая восьмиконечная лондонка на голове, белоснежный воротник сорочки щегольски лежит поверх лацкана бостонского однобортного пиджака, а из-под широченных брюк выглядывают чуть не лаковые туфли. Канальство такое, что не то артист, не то шпана лиговская. Из-за места своей постоянной дислокации говор его тоже стал и не питерский, и не одесский, а какой-то и не свой, и не чужой. Как раз самое то, чтоб среди приезжих затеряться и для мазуриков своим казаться.

– Я тебя уже битый час по рынку шукаю! Ты где пропал? – после пробежки дыхание Игоря совсем не сбилось.

– А что такого случилось, что ты свой участок бросил и меня допрашивать прибежал? Сам-то Фетищевых нашёл?

– Не. Опросили их хозяйку Блинову, но та наотрез. Такого арапа направляет – только держись! Или, может, действительно дура?

– Блинова, говоришь? Ты проведи-ка у неё обыск, чем волюнку-то тянуть.

– Прокурор санкцию зажал: «Беспочвенные подозрения!» говорит, ага. Крючкотворы, мать их так.

– Про крючкотворов я и без тебя наслышан – вообще несколько не удивил. Ты ко мне про них рассказать прибежал?

– Да ну тебя! Дело есть. Знаешь, за городом завод эвакуа-

ировали?

Степан усмехнулся и развел руки в стороны:

– У нас сейчас везде за городом заводы эвакуированные!

– Ну... Это... Где Шкляевская знаешь?

Степан кивнул.

– Шики, значит, проехал и до той Шкляевской не доезжая, так там есть поле. Понял? Ну так вот. Сегодня мне говорят, что там уже третий день какие-то деятели что-то копают.

– Ну, копают и копают. Этим должно ГПУ заниматься?

Где их участковый?

– Где, где... Рифму хочешь?

– А ты поэт, да?

– О, опять та же почти рифма! – Игорь радостно хлопнул Степана по плечу, но тут же посуровел. – А шиш его знает где это поц, в том и мультка! Второй день на работе не появляется. В сельсовете думали, что заболел или загулял. Домой к нему пришли – никого. На заправленной кровати пустая кобура лежит, а под кроватью лукошко малины. Деньги, документы – всё на месте. Так они с сельсовета сразу в обком ломанулись, а там и до Лукьянова³² дошло – бушует, результат требует. Я уже наслушался, что это клад не то ищут, не то закапывают, а то минирование проводят, или вообще размечают взлётно-посадочную полосу... Так что с самого вер-ху спустили указание принять меры по этим землекопам.

³² Лукьянов Владимир Васильевич. С 17.09.1940 по 12.03.1947 гг. – первый секретарь Кировского областного комитета ВКП(б)

– Значит, поедем – нечего рассуждать. Если Лукьянов требует, значит, дело политическое, – Степан одёрнул гимнастёрку. – Много там этих землероек?

– Колхозные трепались, типа, в первый раз было двое.

– Тогда хорошо – вдвоём управимся, допросим. И других оперов от работы не отвлекать.

– И лишний шухер не наводить!

Степан с тоской оглянулся на торговые ряды, поискал глазами Августу и белокурого мальчишку. Недовольно сжал губы, потом выдохнул:

– Тогда давай сейчас же и выдвинемся – у меня тут один мужичок есть из Лянгасово, он разной берестяной чертовщиной промышляет – как раз заканчивает, так он нас с тобой и подбросит. Чтоб воронком население не пугать.

– Ну, значит замазали с тобой!

– Пошли. Мазутный ты мой.

И вовремя угадали, потому что лянгасовский кустарь уже снял с лошади рептух³³ и запрягал в обратный путь. Телега была почти пустой – манки на утку, туеса и заплечные коробка разобрали подчистую, осталось только несколько горлоток и несусветных размеров пестерь. Игорь глядел на эту утварь, а после спросил:

– А правду говорят, что у вас в посёлке трупы прямо на насыпи валяются?

³³ полотняная сумка для корма лошадей.

Кустарь причмокнул, на мгновение задумался:

– Сам не видел, ей-богу, но слышал, да. Слышал, что начальнику станции выговор выписали. Но время сейчас такое – если кто болезный с вагона грабанулся, то и вправду может долго пролежать. Почему? А потому что путёв-то на станции много, а путейцев мало. И делов там по горло – не до церемониев, стал быть.

Деницын улыбнулся:

– Да ты, уважаемый, прямо государственный! Янычар!

Возница вскинул гордый взгляд:

– А то как же? Состав на фронт отправить – дело срочное, а если какой другой завалился, то он, значит, никуда уж не спешит. Он уже успел, – кустарь опустил ястребиные глаза. – Нехорошо, конечно, спору нет. Конечно, лучше, чтоб порядок был во всём, а не только в главном: чтоб и тропки метёны были, и вода чтоб кипячёна. Но это уж когда беда пройдет. А пока уж так, как есть.

Почти с ветерком под ласковым августовским солнцем телега в полчаса доехали до вырубки – уже почти ровного поля, где ещё недавно шумели вековые ели. Оставалось выкорчевать последние пни и геометрически ровный плацдарм для завода будет готов.

Тысячу лет разрастался русский лес. Он шаг за шагом продвигался на запад до сосен Померании, на север к кар-

ликовым лапландским берёзкам, на юг, к гирканским букам, и на восток к маньчжурским пихтам. Черная канадская ель и калифорнийская секвойя показались слишком далёкими и за ненадобностью отвергнуты. И дальше бы продвигался наш лес, разрастаясь в ширь медленно, но верно... А мы свернули с проторенной веками тропинки и пошли другим путём – пришло время для топора дровосека. И нету у нас веков, чтоб подбираться к луизианским кипарисам! Небывалому миру нужно место для шага вперёд сейчас. Нужен полигон, с которого мы и в сельву, и в саванну, и в джунгли шагнём! И надёжно встанем там, уже на новом полигоне, откуда....

В век энтузиазма и восторга не нужно ни заповедных муромских, ни строевых архангельских лесов. Долой бабу Ягу и лешего с парохода современности – без них любые горы свернём! Не нужны нам болота с лесами, они только мешают – тому Любанская операция³⁴ порукой. Время сейчас такое, что и лес рубят, и щепки летят. Ради Отечества, которое трижды славил Маяковский! Владимир Владимирович славил, а мы – создаём.

Чекисты слезли с телеги и едва заметной тропинкой прошли через неширокую лесополосу. Прибыв на место, Степан и Игорь обнаружили на поле пробуренные как будто для

³⁴ наступательная операция Красной армии с целью деблокады Ленинграда. Проводилась в условиях болотистой и лесистой местности. Закончилась провалом на всех направлениях. Именно тогда в плен к немцам попал генерал Власов

столбов лунки. Эти кротовые норы шли через каждые тридцать метров с севера на юг и с запада на восток, образуя огромный прямоугольник в четыре лунки в ширину и двенадцать – в длину. Но для каких столбов понадобилось бурить-ся глубже двух метров? И, если это действительно аэродром, то зачем лунки посреди участка, а не только по периметру?

Засаду решили устроить в рябиновом подлеске на северо-восточном краю участка. Устроившись в тени рябин Фосфоров начал разговор:

– Ну чё, Тёмыч, как тебе на рынке?

– Да ничего, обвыкся. Сперва непривычно было – одно бы что-то делать: или за порядком следить и фармазонщиков выявлять, как милиционер, или банды разрабатывать, как опер, или как контрразведка – слушать кто кому какие слухи пересказывает да подсматривать, что кто в тетрадки записывает. Но через пару месяцев к такой многозадачности привык.

– А помнишь, как в тридцать восьмом году за тетрадки с Пушкиным по всему городу шмонались?

– Где на руке поэта якобы перстень со свастикой? Ага, помню. Тогда начальству казалось, что фашисты запустили свои руки просто везде – хорошо, что на практике враг оказался не таким всемогущим и повсеместным. Я вот ни одного вражеского шпиона так и не выявил, а вот советских воров и мошенников – сколько хочешь.

– Ага. Нам с такими ушлыми гражданами никаких врагов не надо.

– Или, знаешь, может, не столько обвыкся на новом месте, сколько в душе гул улёгся от начала войны – я ведь месяц не мог свыкнуться с тем, что это вообще возможно: всё прошлое лето ходил, как в мороке каком-то. Только сводки с фронтов не дали с ума сойти – они хотя и передавали полный кошмар, но это был последовательный кошмар, хотя бы в каких-то рамках. А то я себе в мыслях такого представлял, что никакому паникёру не снилось.

– Это как в Ленинграде метроном из радиоточек передают...

– Да, именно! Чтобы молчания не было и человек понимал, что жизнь продолжается и подчиняется какому-то порядку. Что бьётся пульс, с которым можно тоже биться в унисон.

– А я никак не привыкну на вокзале фраером приклатнённым стоять, – Фосфоров внимательно изучал носки своих штиблет. – Когда мне то котлы позолоченные предлагают за хлебную карточку, то любовь французскую за сайку с изюмом... Мерзко. Прямо, как Ленин в мавзолее.

– В смысле?

– В том смысле, что и не кормят, и не хоронят! Как баренбух в проруби, – Степан осторожно огляделся по сторонам, а Фосфоров в запале продолжал, – Сидят, понимаешь, в кабинетах на вертушках, а ты выявляй, проверяй, пресекай и кон-

тролируй. Уж лучше в санчурских лесах уклонистов по землянкам ловить! Там по крайней мере понятно, что результат добиваешься. Вот помнишь в первые дни войны мелькомбинатовский шóфёр напился и по городу катался, пока горячее не кончилось?

– Которого потом расстреляли?

– Расстреляли – правильно сделали. Но я сейчас бы тоже, знаешь – в пол бы газанул и будь, что будет!

– Не, ну, ты тоже – остынь. Критиковать-то большого ума не надо. Ты лучше что-то конструктивное предложи.

– Конструктивно-то если... Я об этом давно уже думаю. Я бы выделил отдельное узкоспециальное подразделение, чтоб оно только шпионами занимались, – от возбуждения Фосфоров позабыл свой развязный суржик и заговорил, как будто снова за партой школы НКВД. – Чтоб и не армия, и не госбезопасность, а сразу бы и то, и другое!

– Ну, вот и чем бы они занимались? Говорю же, я за год ни одного вражеского разведчика не выявил.

– И я не выявил. Но если мы их с тобой не обнаружили, то это ни разу не значит, что их нет. Кого, думаешь, в остальной стране винтят?

– Так там фронт, а у нас – тыл. Диверсанту чтоб сюда добраться нужно через такое сито пройти и столько фильтров проскочить – очумеешь. Это ведь не под Кущёвкой на дурака тропить зелёную³⁵, если вдруг часовой зазевался. Мы тут

³⁵ пересекать линию фронта на границе ответственности соседних частей.

не без дела в Кирове сидим, не для галочки без выходных носом землю роём. В июле сорок первого мы кулака Лопатина взяли? Взяли.

– Это который в подвале музея кубометры жратвы и шмотья припрятал?

– Ага, его голубчика. И в сентябре же того же 41-го Шапуновых нахлобучили, которые из Петрозаводска в Советск умудрились переправить целых три тонны бакалеи и двадцать одну тысячу рублей золотом. Золотом! Не фунт изюма за пазухой пронести! Или когда Горошников в Леушино у кулака Батурина золотых червонцев в подполье на полмиллиона изъял? Или вот с февраля семь сотен уклонистов и дезертиров наловили. Так что не даром мы свой хлеб едим и если шпионов немецких не находим, то только потому, что их тут просто нет.

– Не, ну, ладно, хорошо – может, у нас их и нет...

– Я думаю, что в наших условиях твой узкоспециальный борец со шпионами сам бы стал вредителей фабриковать. Как в том анекдоте про профессора.

– Это что за анекдот?

– Да я не помню точно, как рассказывается... – Степан на мгновение задумался, потом обречённо выдохнул. – Суть такая: профессор на экзамене пристыдил невежду-чекиста, что тот не знает, кто автор «Евгения Онегина». Чекист обиделся, профессора арестовал и тот на допросе признался, что он и есть автор.

– Да уж, мастер ты анекдоты травить. Но согласен, очко-втирателей везде хватает. Однако вот тебе такой факт. В том году почти три тысячи шпионов поймали и даже если только десятая часть из них настоящая, то это уже три роты отборных громил. Как Сталин говорил, что если для победы иногда нужны десятки тысяч верных красноармейцев, то для поражения достаточно двух диверсантов. Цена ошибки очень велика.

Думаешь, мы со всеми нашими предприятиями и заводами Гитлеру без интереса? А при нас, таких вот многостаночниках, которые и швец, и жнец, и один «ганс» тут всю работу парализует: тут рычаг повернёт, там гайку открутит, здесь сахару в керосин подсыплет, в том амбаре покурит, да здесь окурок не затушит – и встали конвейеры. И ни танков фронта, ни снарядов, ни обмундирования.

– Ну так на то мы с тобой и не дремлем.

– Ага, не дремлем, а в кустах сидим без дела и на пустую поляну зыркаем, – Фосфоров сквозь зубы сплюнул в густую траву. – А ещё знаешь, о чём подумал, пока глядел на эти дырки в земле глядел?

– Не томи, – Деницын уже не сопротивлялся напору Фосфорова. Игорь был очень рад, что нашёл слушателя, которому от него было деваться некуда.

– Я историю вспомнил, подруга рассказывала. Она сама с Кавказа и там ещё до нашей эры ради какой-то грузинской принцессы древний воин распахал поле огнедышащими бы-

ками и засеял его зубами дракона. Когда из тех зубов выросли воины, то бросились на героя, но он спасся тем, что бросил в гущу камень – воины не разобрались и перебили друг друга.

– Ты это к чему?

– К тому, что нас с немцами нарочно сравили! У нас половина улиц – не Роза Люксембург, так Маркс или Энгельс. Всё ведь немцы. Учителя!

– Ну, ты загнул. На нас ведь вероломно не Гегелем с Кантом напали. Мы, может, потому немцам и верили до последнего, что из их народа те же Цеткин и Либкнехт. Но воюем мы не с ними, мы со зверями воюем, которые наших немецких друзей и учителей расстреливали. Того же Эрнста Тельмана³⁶ в застенках держат. В любой семье не без уроды, а немецкий урод уж шибко мощный оказался.

– Ну, может, и так, что не сравили, но «третьи радующиеся» жар-то точно нашими руками загребают!

– Тут ты прав – давно пора им второй фронт открыть. Но «третьи» всё же сложа руки не сидят – англичанин с немцем в Африке борется, то есть через одно это у фашиста под Сталинградом было бы лишних десять танковых дивизий и бог знает, сколько самолётов! А американец японца в Тихом океане щемит помаленьку – у них там тоже не сахар. Не будь

³⁶ председатель ЦК Коммунистической партии Германии (1925–1933), арестован 3 марта 1933 года, застрелен в августе 1944-го года по личному приказу Гитлера

этого, так самурай весь Дальний Восток под себя бы подмял. А по поводу непаханого поля я тоже историю вспомнил, но только не грузинскую, а пермскую. Был, значит, такой богатырь и звали его Пеля...

– Э, погоди пока, потом доскажешь. Кажется, наши авиаторы идут.

VII.

С севера, со стороны тракта, шли двое. Один мужик был лет сорока, очень высокого ростом, широкий в плечах, с огненно-рыжей кудрявой шевелюрой, верлиокий и прокудливый – шёл, как будто на шарнирах, и прихрамывал на левую ногу. На плече нёс длинную жердь. Он активно жестикулировал, что-то эмоционально доказывая своему спутнику. Другой мужик был немногим старше первого, на плече нёс штыковую лопату и, напротив, был в железнодорожной фуражке и избитых штиблетах. Кураж товарища не находил в нём ответа.

Эти двое обошли всё поле против часовой стрелки, всматриваясь в лунки. В каждую рыжий великан опускал длинную жердь, а потом оба внимательно осматривали её конец. Обойдя порядочный периметр, остановились как раз рядом с засадой чекистов, так что было слышно каждое слово:

– ... да как это ты говоришь, чтоб под корень всех вырезать? А чем тогда мы их лучше? Нет, если офицеров ихних, то – да. Их поголовно к забору! А солдат немецкий – чело-

век подневольный, не по доброй воле он к нам сюда пришёл. Пригнали. Он такой же такой работяга, как и мы с тобою. Одно что говорит не по-нашему. Так что пусть на заводе поработает, пока всё не уляжется.

Мужик в железнодорожной фуражке как будто собрался что-то возразить, но рыжий не дал ему рта раскрыть:

– Понятно, что до стабилизаторов к реактивному М-13³⁷ их не допустишь, но и не надо. Пусть лемехами для плугов занимаются, всякими полозьями для борон. Сельское хозяйство, – он остановился и широким жестом указал на окружающее их непаханое поле, – никто не отменял, а с луцильником³⁸ ему будет трудноовато нахимичить, даже если сильно захочет. Согласен?

Фуражка согласно кивнул.

– То-то же, – верлиокий верзила достал из очередной лунки жердь и радостно указал на мокрый на длину до полуметра конец. – Вот, гляди-ка, Кузьмич, я же говорил – колодец лучше там копать, где крапива понаросла. Мобыть, ладной воды-то и не будет, но на поливку всяко сгодится. Что, ко-

³⁷ наиболее массовый реактивный снаряд, применявшийся сухопутными войсками Советской Армии в период Великой Отечественной войны в составе РСЗО БМ-13 «Катюша».

³⁸ сельскохозяйственное орудие для измельчения верхнего слоя почвы.

вырнём для проверки?

Безразличный Кузьмич пожал плечами и с готовностью взял в руки лопату.

– Тогда бы разобраться лучше, откуда дорога сюда вести – напрямки с тракта иль пролеском? – прокудливый встал во весь рост, чтоб оглядеться по сторонам и увидел идущих в его сторону чекистов.

Первым подошёл Степан, потому что был в форме, а Игорь в своём козырном обмундировании остался позади и как будто случайно отпахнул полу пиджака, демонстрируя плечевую кобуру.

– Здравствуйте, граждане. Приготовим документы. Вы кто такие? Что делаете здесь?

Верлиокий громила шагнул к Степану, почти нависнув над ним – он оказался выше чекиста ровно на голову. Второй перестал копать, но остался на том же месте, опёрся на лопату.

– Пропуск с завода подойдет? Пашпорта с собою нет.

– Давай, – Степан всмотрелся в бумагу с печатью и фотографией и не нашёл в ней изъяна. – Значит, Иван Попыванов?

– Точно так! Мы с этим вот, – он кивнул на товарища с лопатой, – с Кузьмичём, токаря с завода. Нашей бригаде от-

дел рабочего снабжения делянку под подсобное хозяйство выделил – мы и смотрим, где тут лучшшее колодец будет копать. В этом году перекопаем, а в следующем – засеем. Разве чесноку с этого года навтыкаем. Осимого, ага.

Степан сделал вид, что в чём-то сомневается:

– А предписание ОРС у вас где?

– Предписание-то? Этого не знаю, нам что дали, так там то и было... – Попыванов крепко задумался. – Мы третьего дня все документы участковому казали – он к чему придраться не нашёл. Обещал в сельсовете за нас слово замолвить, чтоб всё честь по чести вышло, ага. А документы все те мы мастеру отдали. Зайцев его фамилия, Васей зовут.

– Значит, Василий Зайцев... Хорошо. А дыр в земле за чем навертели?

– Так я же ж говорю – колодец где копать думаем. Вона тут воды набралось поболее, так мы здесь, глядишь, до ключа-то скорее докопаемся.

– Вот оно что... Ну, тогда с успехом вам трудиться!

– Спасибо, мил человек!

Степан развернулся и не говоря ни слова пошёл обратно по тропинке через лесополосу. Игорь оглядел токарей сомневающимся взглядом, словно стараясь запомнить, и через мгновение пошёл следом за товарищем. Когда деревья скрыли чекистов от заводчан, Игорь тронул Степана за плечо:

– Ну вот, а теперь ответь мне, чего мы здесь шесть ча-

сов торчали? Это ж убиться веником! Почти диверсия – два офицера госбезопасности в травке валяются, а по всем фронтам объявили приказ № 227: «Ни шагу назад!».

– Ну, у меня тоже будто дел других нет, как тут дурака валять. Чем на охломонов глядеть, так я бы на обслуживаемом административном участке задачи решал. У меня особняк Кардакова на контроле, а я тут... – он вспомнил лукавый и томный прищур Августы, от досады сплюнул. – Вот Сталин говорил, что для поражения достаточно пары шпионов. А про бездельников он ничего не говорил?

– Шутишь, да? Смешно. Очень. Я тоже частушку придумал: «Полюбила лётчика – думала, летает! А пришла на аэродром – он чеснок сажает! Эх!» – Игорь хлопнул себя по голенищу сапога и с вызовом посмотрел на Степана.

– Вот её вместо рапорта и исполнишь.

– Нет, теперь давай серьёзно. Нас сюда с тобой первый секретарь обкома загнал, так что причина уважительная. Но ты убедился, что если б был какой-то узкоспециальный отдел, то он бы эффективнее сработал?

– Может, и не эффективнее, но нас бы с тобой не сдёрнули с вверенных постов. Хотя и мы с тобою тоже хороши – нет бы в управление заводом зайти и в пять минут с этим «аэродромом» дырявым разобраться.

– Главное, чтоб на наших с тобой участках ничего не стряслось, потому что если у меня на вокзале три эшелона эсэсовцев выгрузились и твой рынок оккупировали, то голо-

ву оторвут не Лукьянову, а нам.

– Там уже без разницы будет, кому голову оторвут.

– Согласен, – Игорь замолчал на минуту. – Подстава это галимая. Вот ты, как хочешь, а я говорю – галимая подстава свинская. Представь, мы бы тут не токарей застали, а обученного диверсанта изловили, которого Абвер³⁹ заслал? Куда бы мы его девали – в одну камеру с прогульщиками и паникёрами? А вдруг он гипнозом владеет? Нет, вот ты, как хочешь, а будь моя воля, я бы особый отдел для этих целей выделил. Тем более теперь, когда в руки немцев попали настоящие парткомы, отделы ЗАГСов и военкоматы с настоящими бланками и печатями. То есть в начале войны поддельные документы ещё можно было выявить по оцинкованным скрепкам и качеству бумаги, то теперь-то как, если они совсем настоящие? Тут уже нужна бдительность повышенная!

– Особая. Ага, я уже понял.

– Ёрничаешь? Придурка лепишь? А теперь представь, если в руки попадётся полноценный шпион с поддельными документами майора и Звездой Героя, который должен завод взорвать и маршала убить. Представляешь, если такого в оборот взять и заставить сотрудничать? Это ж широчайшие возможности! Можно будет и самим информацию от него подробную получить, а главное, через него немцев за нос водить! Например, говорить, что эшелон танков направлен на

³⁹ орган военной разведки и контрразведки нацистской Германии, входил в структуру РСХА

северо-запад, а на самом деле нету никакого эшелона. Или есть, но едет он на юг.

– Ну, тут речь явно не о Кирове будет. От нас-то, понятное дело, литерные составы могут только на запад идти. Не на восток же? Так что шпиону толку нету в крапиве сидеть у переезда той же Ломовской. Ему надо на более близких к фронту узлах – вот там уже фрицу интересно будет.

– Это ж я тебе к примеру, не занудствуй, – с Игоря слетел вернувшийся было блатной форс, он словно растерялся.

– Нет, понятно, идея-то хорошая. Только реализовывать её надо на уровне Ставки Верховного... – сказал Степан примиряющим тоном.

– Уровень-то Ставки, а ловить этих диверсантов будут такие же, как мы с тобой. Поэтому надо, чтоб у этих волкодавов руки были развязаны и чтоб они на таких вот растяп с чесноком не отвлекались – Фосфоров ткнул в пустоту себе за спину большим пальцем правой руки. – Понимаешь, тут будет больше пользы не от того, что мы волка в овечьей шкуре обезвредим, а что его же против врага направим! И всё это без особых затрат с нашей стороны – одной радиоточки хватит чтобы немецкую разведку застопорить. Хотели нас нахлобучить, но выйдет всё наоборот!

Степан почесал подбородок:

– Знаешь, а ведь ты действительно хорошо придумал. Тогда не надо тянуть кота за хвост, а сегодня же это предложение внести.

– А то! Не просто так слонов слоняю по перрону. Но я о помощи попросить хочу, чтоб ты вместе со мной эту идею выдвинул. Если вдвоём, то больше хода делу будут.

– Но это же твоя инициатива. Я тут при чём?

– При том, что я тогда не один буду, а с тобой – оба два!

Считай – коллектив, а против коллектива не попрёшь!

– Ну, хорошо. Но я только в углу стоять буду и головой кивать, чтобы потом одного тебя по партсобраниям таскали. Или если инициативу найдут несвоевременной.

– Не, не найдут! Я слышал, что немцы весной создали специальную организацию... Как-то называется... Вроде: «Дирижабль»⁴⁰. И как раз для того, чтоб готовить и засылать нам агентов, чтоб теракты совершать и всяких сепаратистов готовить. Но запутались, формалисты буквоедские, разобраться не могут, кому она у них подчиняется – гестапо⁴¹, Абверу или РСХА⁴². Но у нас тебе – не там! Поэтому я и говорю, чтоб это была и не госбезопасность, и не армия, а что-то отдельное. Чтоб только Ставка решала.

– То есть ты не сам придумал, а вражескую идею адаптировал?

⁴⁰ Игорь путает, на самом деле «Цеппелин» – разведывательно-диверсионный орган нацистской Германии, созданный в марте 1942 года в структуре VI управления РСХА для работы в советском тылу. Наиболее известной его операцией является попытка убийства Сталина в 1944 г.

⁴¹ тайная государственная полиция нацистской Германии.

⁴² руководящий орган политической разведки и полиции безопасности нацистской Германии.

– Можно и так сказать.

– Ну и хорошо. Так даже лучше, сошлёмся на зарубежный опыт, – Деницын улыбнулся, когда заметил, как вздрогнул товарищ. – Шучу. Сейчас загляну тогда с тобой в управление, поддержку.

VIII.

Товарищи вышли из лесополосы и остановили проезжавший по трассе грузовичок «Студебекер», который вёз брёвна для строительства нового крыла пищеблока коломенского завода. Шофер был один в кабине и, разглядев кубари в петлицах Степана, с радостью согласился подбросить путников куда угодно. Хотел отвезти и даже прямо к бывшему особняку купца Булычёва, в котором после Революции поселились чекисты, но Степан и Игорь попросили высадить их не доезжая двух кварталов – на перекрёстке Коммунистической и Карла Маркса. Шофёр пожал плечами и поехал.

Степан глядел в окно на пробегавшую мимо дорогу и думал, что если он сегодня не проводил Августу, то это вовсе и не плохо. Тут навязываться не стоит – она женщина самостоятельная и сильная, сама решит. Вот если она завтра пирогов с грибами испечёт, то он сразу её в кино пригласит, чётко обозначив намерения. Как раз в «Боевом киносборнике № 12» два очень удачных эпизода. Хотя, конечно, в первом подростков играют актёры чуть не тридцатилетние, но

играют хорошо, с душой. А второй, говорят, про такую же женщину, вроде Авы – которая посреди всей этой войны с ребёнком на руках находит в себе силы стоять прямо.

Такие фильмы посмотришь и поймёшь, что кино действительно важнейшее из искусств – на нужный лад направляет. А если взрыв какой покажут, то даже ещё лучше – у барышни есть возможность испуганно ойкнуть, а кавалер имеет возможность подставить могучее плечо. И всё благообразно. Но при этом однозначно.

Спустя четверть часа чекисты добрались до чугунной ограды, отделявшей оживлённую улицу от глубокого оврага, бывшего когда-то руслом реки Засоры. Река давным-давно высохла и овраг, густо зарастая рябиной и сиренью, ждал, когда до него дойдут хозяйские руки. Пару лет назад архитекторы планировали развернуть здесь бурную деятельность и разбить цветущий бульвар. Но пока планы оставались только акварельными эскизами, лежащими в толстой папке в нижнем ящике письменного стола строительно-монтажного управления номер один при народном комиссариате боеприпасов.

Чекисты распрощались с водителем и пошли вверх по Коммунистической. У дома номер восемнадцать Степан остановился. Игорь, прошедший вперёд несколько шагов, удивлённо обернулся:

– И чо ты тут шоперисься?

– Да так чего-то вспомнилось... – Степан внимательно оглядел окна дома, будто заглядывая внутрь. – Я сюда в девятнадцатом году бегал, когда ребёнком был. Всё хотел на Блюхера посмотреть.

– А он что тут делал? Я тогда совсем мелкий был, мне не до пустяков было – орать бы пошире, да в пелёнки фуричь, чтоб мамке не скучно было.

– Блюхера тогда прислали командовать обороной от наступающих белогвардейцев. Он тут почти всё лето прожил. До тех пор, пока не стало понятно, что угроза для города миновала.

– Это когда Чапаев под Уфой реку Белую форсировал? Я у Фурманова в книжке читал.

– Ага... Я тебе скажу, что по своей малолетней несознательности я очень огорчился – так хотелось пострелять по золотопогонникам из маузера, а лучше из «Максима». Чтобы обязательно ранили, а потом бы лично начдив повесил на грудь медаль или даже орден...

– Знаешь, на самом деле хорошо, что твои мечты не сбылись – четыре года назад доподлинно выяснили, что Блюхер-то японским шпионом оказался! Сейчас бы тебе солоно пришлось, – Игорь на всякий случай огляделся по сторонам.

– Да в любом случае хорошо, что контру за двести вёрст от Вятки развернули, а потом разбили наголову!

– Конечно, хорошо! Кстати, подумалось... Не помнишь, кто сказал, что история повторяется дважды? Энгельс?

– Вроде, Гегель⁴³...

– Ну, в любом случае, человек был не глупый. Может, и в этот раз повторится, а? Забуксует фашист в чернозёме, а там и на попятный? Ведь ни монголы, ни французы, ни «белые» сюда не дошли!

– Так тогда история должна не дважды повториться, а четыре!

– Так дважды два – как раз четыре!

– Твои б слова... – Степан несильно толкнул Игоря кулаком в плечо. Тот деланно оступился и осел.

– Слушай, а я тут шутку слышал про наше управление. Рассказать?

– Валяй, пока дорогу не перешли.

– «– Какой дом на Вятке самый высокий?»

– Бывший дом Булычева! Из его подвалов Магадан видать!»

Теперь по сторонам огляделся Степан:

– Ты шире ори, так больше дадут!

– А я – что?

– А ничего! Доедешь – узнаешь!

На проходной Степана и Игоря окрикнул проходивший мимо бравый усач Зарницын:

– Мужики, слышали – нет?

– Чего слышали-то? – Степану показалось, что Игорь по-

⁴³ На самом деле автор фразы Карл Маркс.

бледнел.

– Да людоедку взяли – детей резала и пироги из них пекла. Сейчас свидетельницу допрашивать будут – айда!

Сердце Деницына обмерло, будто заледенелой рукавицей ухватили воробышка.

Степан и Игорь вошли в кабинет, где за массивным столом, обитым зелёным сукном, лицом к ним сидел капитан госбезопасности Авроров – заслуженный человек с добрым, открытым и простоватым лицом. Сапоги он носил «гармошкой», как дореволюционный приказчик. Этаким рохля добродушный. Но подчинённые знали, что кубари ему достались не просто так и второго такого профессионала – поискать. Он умел любого расположить к себе и по-свойски, ненавязчиво дознаться до самого сокровенного. Свидетельница, миниатюрная женщина неопределённого возраста в платочке на голове, сидела на стуле спиной к вошедшим.

Авроров кивнул вошедшим к правой стене, вдоль которой стояли венские стулья и одно кресло-савонарола. Начался допрос.

– Значит, Тася, расскажи как дело было по порядку.

– Ой, да как такое по порядку-то... До сих пор ведь руки дрожат – чай, не каждый день такие страсти.

– А ты представь, что это ты мне не события своей жизни рассказываешь, а будто это в кино случилось или на театре.

– На театре такое покажи, так все зрители попадают... Но я попробую. Так вот, значит, прорвало в больнице трубу. Нас всех через это домой отпустили пораньше – так-то я до вечера должна была на службе быть. До обеда ещё я вернулась и разморило меня – заснула.

– Получается, Абатурова и Клюкина думали, что они одни в доме?

– Выходит, что так. Никогда ещё не бывало, чтоб я из госпиталя раньше приходила. Позже – эт запросто, но чтоб раньше – ни-ни. Но не в том главна-то штука!

Я, значит, на подушке ворочаюсь и сквозь сон слышу голос тоненький: «Тетенька, не надо! Не надо, тетенька!». Сперва подумала, что приснилось. На другой бок повернулась уже, но за стеной будто что-то по полу потащили. И любопытство меня взяло. Опять же вы в тот раз велели в оба глаза глядеть и тут же доложить, коль мужик какой начнёт отираться. Встала я, значит, глаза протёрла и на цыпочках-то пошла.

Авроров прервал Морозову:

– А как часто к ней ходили дети?

– Дети-то? Часто. И её детишек приятели забегали, и по делу торговому захаживали: кто мамкин платок на муку, кто брошку на сальце... – у Таисьи затрепетали плечи, она суксилась и заплакала, вытирая слезы и прикрывая лицо краем платка. – А тут тебе, выходит, сразу и брошка, тут тебе и сальце. И мамка вовек не сыщет...

– Ну что ты, милая, не плачь. Всё равно слезами уже не поможешь. Помнишь, мы договорились, что театр?

– Ой... – она всхлипнула. – Ладно. Я к двери-то подошла – слышу, что-то там происходит. Я к скважине замочной-то прильнула и вижу. На койке лежит мальчишка и будто спит. Гадюка-то, Абатурова то есть, шторы завесила и со своей мамкой давай ребялёнка-то раздевать. Рубашонку стянули, штанишки сняли, хохочут, ухмыляются, ведьмы! Смеются, лапают его везде, «краник» теребят... Я думаю – ух, греховодницы, чего захотели! Но вышло хуже.

Она замолчала, уставилась в пол и закусила край платка. Вздохнула. Авроров не торопил. Спустя полминуты Морозова продолжила.

– А ребялёнок-то вялый весь, словно ватный... Они ему ножки верёвкой связали, да в петлю на потолке продели через крюк, на котором люстра крепится. Бабка-то держит, а Гуська тянет. Что за затеи такие, думаю? Мне и страшно, и волнительно стало... Грех-то какой!

Таисья зашла в голос рёвом, капитан встал со своего места, подошёл к ней и погладил по плечу:

– Уж извини, что заставляю рану беречь. Я сам, хотя и всякого на службе видал, но от того, что в доме том произошло, волосы дыбом встают. Но надо всё вспомнить и рассказать. Соберись, пожалуйста.

Таисья глубоко вздохнула, расправила плечи и села, будто

проглотила аршин.

– Я сейчас же всё доскажу. Всё, как было.

Капитан вернулся на место и продолжил записывать за ней вслед.

– Вздёрнули ребялёнка в той петле под потолок, а у него волосики такие льняные, нежные. И глазки-то открытые, стеклянные! Но грудь шевелится, дышит. Живой ещё, знать. А под головушку-то таз большой подтащили. И тут я приметил в углу лукошко с морошкой, а рядом киянка валяется... Я как заморожённая сижу и не могу глаз оторвать. Вся застыла, онемела. А Гуська, значит, верёвку-то к ножке буфета привязала и с буфета же нож достаёт. И деловито так, примеряясь, к дитятке и – раз по шее справа, два – по шее слева. Уверенно так, глубоко. Кровь-то так и хлынула! Алая, струёй ровной – и в таз! Сначала сильно лилось, как из водопровода, потом ослабло и с каждым разом напор слабел – знать, жизнь-то выходила, сердечко слабело. А я всё смотрю и дышать боюсь! Что делать? Одной с ними не сладить, так я бегом во двор, за Ефимычем.

– «Ефимыч» – это Трофим Ефимович Истобенков, дворник?

– Да, о нем я толкую. Я к нему – так и так, бежим скорей, ребёнка зарезали! Он топор схватил, хотел дверь рубить, да ключ-то у меня есть – до уплотнения весь дом моим был! Мы с ним дверь открыли, а там уже все кишочки и печёнки из ребёнка вынули – как порося разложили... Бабка нас первая

увидела – почернела, охнула и на четвереньках поползла под печку. Гуська, зная, меня одну углядела – зашипела, с полу нож схватила, чичи свои вылупила, и тут только заметила Ефимыча с топором и как заверещит! Бросила в нас кошель с грибами – они во все стороны разлетелись, а сама – в окно!

«Значит, она купила грибов...» – Деницынцу стало трудно дышать, к горлу подкатил комок: он сначала побледнел, а потом побагровел, но никто этого не заметил. Все внимательно слушали Морозову:

– Мы подпечье задвинули сундуком, веник в углу перевернули и Ефимыч остался бабку сторожить, а я уж к вам. Чай, поймали Гуську? – в глазах Таисьи ужас перемешался с надеждой.

– Поймали. На речном вокзале в очереди за билетом. Спокойная стояла, рассудительная. Словно не женщина ребёнка, а лисица курёнка... Как таких земля-то носит? Спасибо вам, товарищ Морозова, за бдительность. Вот теперь тут вот распишитесь... Да. «С моих слов записано верно, мною прочитано»... Можете быть свободны! Но всё равно будьте начеку, если к дому начнёт проявлять интерес мужчина лет сорока.

Таисья вышла из кабинета, в котором остались одни чекисты. Авроров закурил папиросу.

– Погреб мы уже раскопали – там целое кладбище. Судя

по всему, одиннадцать детей там похоронены – черепов нашли одиннадцать, а бедренных костей почему-то только двадцать... А этот мальчишка, получается, двенадцатый.

– И как теперь их личность установить?

– А никак. Всё это мы освидетельствовали, зафиксировали и тут же во дворе под вязом похоронили в общей могиле. Там как нарочно нужник копали и яма подходящая была.

– Но ведь надо родителей найти ...

– Надо. В другое время так бы и сделали. Но не теперь. Ты понимаешь, что будет, если подробности в народ пойдут? «Людоеды в городе!» Это же паника, а время сейчас и без того чёрное.

– Так может и к лучшему? От положения на фронте внимание отвлечётся...

– Знаешь, фронт далеко, а людоеды тут! Нельзя огласки допустить, нельзя. Этих дьяволиц в каземате держат и они там о своих подвигах точно не распространятся. Поэтому осудят их за спекуляцию. А когда до Ухтпечлага доберутся, так в бараке наш брат и шепнёт кому надо, как на самом деле было. Кара людоедов не минует.

– Наверное, так... Но мне всё равно кажется, что родителей погибших нужно оповестить. Мы как будто это преступление покрываем.

– Знаешь, вот сейчас всем советским людям приходится тяжело – много горя выпало на нашу долю. Никто не рад, все на пределе. Но даже в таких условиях можно жить, ес-

ли в душе у человека остаётся хотя бы малая надежда, если теплится хоть самый тусклый уголёк. Теперь представь, каково придётся родителям детей, которые в том проклятом подвале сгнули? Такая весть и в мирное время хребет переломит. Может, пусть лучше думают, что их ребяташки на фронт сбежали и просто письма от них не доходят?

– Наверное, так...

– К сожалению, пока что нашу правду приходится защищать такой вот неправдой. Ещё не наступил момент для истины... И рапорт о походе на шкляевский «аэродром» можете не писать. Нашёлся тот участковый – два часа назад из сельсовета звонили. Он сразу после разговора с Попывановым за малиной пошёл на Фёдоровскую гору у Песегово и там табельное потерял. Два дня по кустам и буеракам шукал – похудел, почернел, зарос. Вернулся лохматый, расхристаный, речь человеческую почти забыл – одно что радостно мычит. Поэтому можете быть свободными.

В кабинет вбежал озадаченный Зарницын.

– Ребята, вот новая сводка: «Наши оставили район Калача-на-Дону. Несмотря на упорное сопротивление, отступаем», – он ещё раз перечитал полоску бумаги у себя в руке. – Братцы, это что же получается? Дорога на Сталинград для вермахта открыта?

У Степана почему-то очень зачесалась правая голень, как

будто натирала небрежно замотанная портянка. Руки как-то сами собой опустились.

07.05.2023. Киров-на-Вятке.

Телефон для вопросов/пожеланий/благодарности
8-953-672-52-87